

1. Пространный пересказ чужого текста – посольских речей другой стороны, приводящий к воспроизведению чужого делового стандарта. При этом языковые средства текста-источника в новом тексте могут заменяться омологами, а специальные номинации типа *панове/бояре, господарь/государь* сохраняются.

2. Несовпадение параметров «адресант/транслятор информации» и «адресат/бенефактив», связанное с самой ситуацией дипломатической коммуникации. Прямая речь при передаче послами слов князей в посольских речах значительно преобладает над косвенной.

3. Нередкое «вкрапление» частной тональности в официальное общение. Сфера «частное – официальное» в средневековой коммуникации требует изучения; предварительные наблюдения (в том числе над эпистолярными текстами) обнаруживают актуализацию нескольких социальных ролей участников регламентированной коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 5 т.]. Т. 1. 1340–1506. СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. и. вел. Канцелярии, 1846.

2. Циммерлинг А. В. Контакты и конфликты в языке посольских книг Ивана III // Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире : сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2021. С. 81–102.

МОТИВИРУЮЩЕЕ СУЖДЕНИЕ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

А. И. Ковалева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kowalowa_anna@mail.ru*

Доклад посвящен вопросу о способах экспликации внутренней формы слова, релевантных для ее сопоставительного изучения на материале русских и белорусских переводных соответствий. Морфемная и словообразовательная структура слова, а также мотивирующее слово и мотивирующее суждение подвергаются сравнению с точки зрения того, представляют ли они собой базу, достаточную для отражения проявлений различия внутренних форм переводных соответствий. Отдельное внимание уделяется способам построения мотивирующих суждений и возможности их сопоставления.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; мотивирующее суждение; морфемная структура слова; словообразовательная структура слова; мотиватор.

Внутренняя форма слова (далее – ВФ) – лингвистический феномен, который получает различные трактовки и используется в филологических работах различных направлений. Однако, какая бы дефиниция ВФ ни была избрана в качестве отправной точки исследования, любые толкования ВФ подчеркивают то ее свойство, которое становится причиной ее выделения как особого лингвистического явления, а именно способность быть выразителем национально специфического взгляда на объект номинации, закрепленным в структуре слова. В связи с этим обращение к ВФ оказывается особенно продуктивным в сопоставительных работах, направленных на выявление того, как поразному языки описывают свойства одного и того же денотата.

Поскольку ВФ при любом ее толковании – это указание на основание номинации, ВФ открывает тот объект действительности, через связь с которым получил название данный. Следовательно, ВФ – это семантика, но множество трактовок феномена ВФ оставляет открытым вопрос о том, семантика чего: морфем, словообразовательной структуры слова или иных единиц. Ниже остановимся на описании некоторых интерпретаций ВФ и соответствующих им подходах к ее экспликации с целью определения того из них, который позволяет наиболее адекватно провести сопоставительный анализ ВФ переводных соответствий русского и белорусского языков и узнать причины несоответствия их ВФ.

Одно из возможных толкований ВФ – это семантика составляющих слово морфем. При таком подходе к ВФ проблемы поиска способа ее экспликации нет. Однако ориентация на морфемную структуру как материальный носитель ВФ, особенно в случае с дериватами не первой ступени словообразования, не позволяет увидеть причины номинации. Для примера рассмотрим бел. *падиклянак* ‘падстаўка з ручкай (звычайна металічная), у якую ўстаўляюць шклянку’. Этот предмет находится основной своей частью под стаканом – бел. *шклянкай*, именно таким образом вскрывается основа номинации. Если пойти по пути отождествления ВФ с семантикой морфемной структуры слова, то, помимо аффиксальных морфем, в слове *падиклянак* необходимо будет выделить и корень *шкл-* ‘цвёрды празрысты матэрыял, які атрымліваецца шляхам плаўлення і спецыяльнай хімічнай апрацоўкі кварцавага пяску з дабаўленнем некаторых іншых рэчываў’. Морфемный анализ, обнаживший значение словообразовательных морфем,

уводит исследование в сторону от осознания причины номинации, акцентируя внимание на стекле, которое, несмотря на то что послужило исходным материалом для создания стакана, не имеет отношения к подстаканнику.

Иная интерпретация ВФ – это отождествление ее со словообразовательной структурой слова: ВФ связывается не с семантикой всех составляющих слово морфем, а исключительно с семантикой материально представленного в слове форманта, а также мотивирующей основы. Такая трактовка ВФ оставляет открытым вопрос об интерпретации ВФ семантических дериватов, для анализа которых понятия форманта и мотивирующей основы неприменимы. Что же касается структурных дериватов, то при условии рассмотрения ВФ как семантики элементов, участвующих в процессе словообразования, ее эксплицируют через указание на семантику мотивирующего слова и свободную интерпретацию форманта (*малин-ник* – ВФ *заросли малины*).

Данная трактовка ВФ и соответствующий ей способ ее экспликации также не полностью отвечают задачам выявления оснований номинации, поскольку при таком подходе к ВФ в процесс сопоставления втягивается не только наименование объекта, через связь с которым был осознан данный при его наименовании, но и семантика аффикса. Следовательно, при такой интерпретации ВФ различие в семантике формантов двух слов может заслонить единство основ номинации и привести исследование к результатам, которые подчеркнут не различия между языками в осмыслении объекта номинации, а несовпадение в репертуаре средств, выбранных носителями языка для ее создания. Например, рус. *конный* и бел. *коннік* ‘всадник’, бесспорно, имеют одну и ту же основу номинации, так как в структуре обоих слов присутствует указание на то, что данный человек имеет отношение к лошади. Однако в силу того что способы образования сопоставляемых слов неодинаковы, отождествление ВФ со словообразовательной структурой потребовало бы признания данных единиц словами с различной ВФ. Если детализировать значение форманта белорусского соответствия, то ВФ бел. *коннік* можно эксплицировать как *человек, едущий верхом на коне*. При таком толковании ВФ подобная экспликация ВФ рус. *конный* невозможна, так как в качестве формального показателя создания конверсива выступает лишь смена парадигмы мотивирующего слова, которой не может быть приписано значение, подобное значению аффикса.

Альтернативой отождествлению ВФ с семантикой составляющих слово морфем или форманта и мотивирующей основы служит трактовка ВФ как семантики мотивирующего слова. Данная интерпретация ВФ позволяет эксплицировать ее разными способами, прежде всего через мотивирующее слово. В таком случае для того, чтобы убедиться в несовпадении ВФ переводных соответствий, достаточно проанализировать семантику мотивирующих их слов. Если она совпадает, то ВФ слов одинакова (рус. *гребец* и его ВФ *грести* – бел. *вясляр* и его ВФ *вяславаць*), если нет – различается (рус. *загон* ‘огороженный участок для содержания животных’ и его ВФ *загнать* – бел. *загарадзь* и его ВФ *загарадзіць*). Трактовка ВФ как семантики мотивирующего слова представляется оптимальной, если в задачи исследования входит выявление основ номинации, однако анализ лексического материала русского и белорусского языков вскрывает ряд противоречий между общей основой номинации в словах сопоставляемых языков и различным способом ее представления. Такого рода противоречия наблюдаются в следующих ситуациях.

1. При анализе лексических лакун. Переводные соответствия, один из членов которых является цельноформленной номинацией, а другой – раздельноформленной, неоднородны по признаку того, одинаковы ли основа их наименования. Наряду с парами вроде бел. *зносак* – рус. *маленькое куриное яйцо*, в которых подчеркиваются разные свойства именуемого объекта, встречаются и такие соответствия, как бел. *гарбузік* – рус. *семечко тыквы*. Последний случай демонстрирует, что в структуре и цельноформленной, и раздельноформленной номинации «записаны» одни и те же характеристики объекта, различие между ними состоит лишь в способе их фиксации: раздельноформленная номинация более точно и подробно передает информацию о свойствах денотата. При этом если полагать, что для сопоставления ВФ двух дериватов достаточно выявить их мотивирующие и сравнить их между собой, то придется констатировать различие ВФ у переводных соответствий вроде бел. *гарбузік* – рус. *семечко тыквы*, так как у цельноформленной номинации одно мотивирующее (*гарбуз*), а в качестве ВФ раздельноформленной выступает значение ее элементов (слов *семечко* и *тыква*).

2. При анализе пар переводных соответствий, одно из которых является сложным словом, а другое – простым, причем семантика одного из мотиваторов сложного слова идентична семантике мотиватора

простого слова. Например, бел. *алеіня* и рус. *маслозавод* содержат в своей структуре указание на то, что данный завод производит масло, однако, как и в случае с цельноформленной и раздельноформленной номинацией, в силу того что у компонентов сопоставляемой пары единиц разное число мотиваторов (*алеіня* ← *алеі*, *маслозавод* ← *масло*, *завод*), при условии экспликации ВФ через мотивирующее слово бел. *алеіня* и рус. *маслозавод* должны быть рассмотрены как единицы с разной ВФ.

Таким образом, при анализе пар, один из членов которых является раздельноформленной номинацией или сложным словом, а другой – простым, наблюдается противоречие: семантика мотиваторов двух сопоставляемых единиц не совпадает, а основания номинаций, знания об объекте номинации, вложенные в его наименование, совпадают. Поскольку без разрешения такого рода противоречия полноценное сопоставление ВФ переводных соответствий невозможно, полагаем, что отождествление ВФ с семантикой мотивирующего слова требует поиска иного способа ее экспликации, который бы адекватно отражал основания номинации и разрешал вышеуказанные противоречия.

В качестве такого способа экспликации ВФ может выступить мотивирующее суждение. Термин введен Е. С. Кубряковой для описания процессов словообразования на синтаксической основе. Суть данного подхода к номинации заключается в представлении о том, что «названию предмета или другого явления действительности предшествует вынесение суждения о нем, основанного на приписывании ему определенных признаков и свойств» [1, с. 36]. Понятие мотивирующего суждения может успешно применяться для экспликации ВФ, поскольку оно средствами языка описывает предполагаемую ситуацию, в которой в процессе номинации находился объект, и обязательно включает в свой состав мотивирующее слово: благодаря формальному следу в структуре деривата мотивирующее его слово доступно для выявления и именно вокруг него строится мотивирующее суждение.

Поскольку форма деривата дает указание лишь на один фрагмент мотивирующего суждения, актуальность приобретает вопрос об остальных составляющих данной структуры. Смысловой основой мотивирующего суждения являются экстралингвистические знания о денотате, название которого исследуется с точки зрения его ВФ. Знакомства с лексическим значением слова в ряде случаев оказывается недостаточным для того, чтобы выявить ВФ слова и построить верное

мотивирующее суждение. Например, бел. *немаўля* получило в ТСБМ толкование ‘малое дзіця’, в котором не содержится указания на то обстоятельство, что ребенок в этом возрасте не умеет говорить. Однако это свойство характерно для денотата и без его учета восстановить мотивирующее суждение невозможно.

Структура мотивирующего суждения также требует внимания. Е. С. Кубрякова описала ее как сочетание подлежащего со сказуемым, при необходимости дополненное второстепенными членами предложения [1, с. 168]. В настоящее время в литературе не предложена более детализированная единообразная формула мотивирующего суждения. Это, на наш взгляд, связано с тем, что мотиваторы разных дериватов выступают в качестве разных членов предложения, а сами дериваты относятся к разным частям речи и характеризуются различными типами мотивированности, и потому единый способ организации мотивирующего суждения вряд ли возможен. Однако это не приводит к субъективизму при сопоставлении ВФ и выявлению причин их несовпадения в сопоставляемых языках. Как замечает М. Н. Янценецкая, «производное слово должно соотноситься не с тем или иным конкретным предложением или синтаксическим оборотом, а с глубинной пропозицией» [2, с. 9]. Таким образом, полагаем, что в целях объяснения причин различия ВФ переводных соответствий языков сопоставления достаточно выстроить вокруг сопоставляемых ВФ такие мотивирующие суждения, которые организованы как полные предложения и включают в свой состав столько таких второстепенных членов, сколько необходимо для объяснения предполагаемой ситуации наименования. Например, для построения мотивирующего суждения вокруг бел. *лузан* ‘арэх, які сам вылушчыўся’ не требуется включение в его структуру второстепенных членов: *Арэх лузаецца* ‘выпадае з шкарлупіння, з цвёрдай абалонкі’ (такі арэх называецца лузан). ВФ иных единиц требует расширения границ мотивирующего суждения. Для бел. *вужавінне* ‘скура змяі, скінутая ў час лінькі’ нельзя построить мотивирующее суждение, не включив в него дополнение, так как последнее эксплицирует в составе суждения то явление, ВФ наименования которого подлежит изучению: *Змяя скідае скуру* (гэтая скура называецца вужавіннем).

Поскольку при анализе ВФ сопоставлять следует смысл мотивирующих суждений, а не их грамматическое и лексическое наполнение, характер лексических единиц, избранных в качестве вербализаторов

описываемой мотивирующим суждением ситуации, непринципиален. Например, в каком бы виде ни было представлено мотивирующее суждение рус. *мышеловка* (*Ловушка ловит мышей*, или *Приспособление ловит мышей*, или *Устройство ловит мышей*), все перечисленные высказывания вскрывают одну и ту же основу номинации. Чтобы убедиться в тождественности основ номинации при анализе ВФ переводных соответствий, необходимо построить вокруг исследуемых ВФ такие мотивирующие суждения, которые включали бы ВФ обоих слов. Например, для рус. *маслозавод* – бел. *алеіня* есть возможность составить единое мотивирующее суждение: *На заводе производят масло – На заводзе вырабляюць алеі*. Таким образом, обращение к мотивирующему суждению позволило эксплицировать общее для белорусского и русского слов основание номинации и заметить, что различие в количестве единиц, втянутых в процесс словообразования в качестве мотивирующих слов, не является показателем различий в восприятии объекта номинации носителями сопоставляемых языков в процессе ее создания. То же актуально и для случаев лексических лагун. Для тех же слов, ВФ которых демонстрируют качественные различия во ВФ, невозможно построить общее мотивирующее суждение, в котором сопоставляемые ВФ занимали бы позиции разных членов предложения. Например, ВФ слов рус. *древесница* (мотивирующее суждение *Лягушка живет преимущественно на деревьях*) – бел. *квакша* (мотивирующее суждение *Лягушка гучна квакае*) нельзя включить в общее мотивирующее суждение, так как громкое квакание никак не влияет на расселение лягушек и наоборот.

Таким образом, полагаем, что оптимальным способом экспликации ВФ слова с целью их дальнейшего сопоставления является мотивирующее суждение. Данная структура выстраивается с учетом семантики мотиватора, применима к анализу как семантических, так и структурных дериватов и позволяет сопоставить основания номинации, а не структурные характеристики ВФ.

Библиографические ссылки

1. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М : Наука, 1981.
2. Янценецкая М. Н. Пропозициональный аспект словообразования // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992. С. 4–33.